

ГЛАВА ШЕСТАЯ ИДЕАЛИЗИРУЮЩИЙ БИОГРАФИЗМ XVI в.

Образование централизованного Русского государства в конце XV- начале XVI в., а затем постепенное его укрепление и расширение, продолжавшиеся до последней четверти XVI в., принесли с собой повышенный интерес к биографиям крупных государственных деятелей: московских государей и их предков - князей владимирских, тверских и других, митрополитов, русских святых и т. д.

Создается Летописец начала царствования Ивана Грозного с центральной ролью последнего, Степенная книга - обширнейшее собрание биографий русских исторических лиц, "История о великом князе московском" Андрея Курбского. Интерес к биографиям вообще отразился в Великих Четвях - Минеях митрополита Макария; интерес к биографиям деятелей русской истории в некоторой степени проникает в Никоновскую летопись. Создаются и другие произведения, в которых всё большее и большее внимание уделяется жизни крупных государственных деятелей.

Отныне происходит перемещение в отношении представлений об истории и об историческом деятеле. С точки зрения авторов феодального периода, от XI в. и до XVIII в. история вершится крупными государственными деятелями, но если раньше, до XVI в., в летописях и в исторических повестях князья изображались только постольку, поскольку они вершили эту историю, то теперь, в XVI в., возникает самостоятельный интерес к жизни исторического лица - интерес, настолько сильный, что сама история становится как бы частью его жизни. Различие здесь принципиальное: с одной стороны - отдельные биографические сведения, входящие в общий состав русской истории, а с другой - цельные биографии, из которых слагается течение исторической жизни; но различие это не дало существенно новых принципов в изображении человека. Этот период стилистического эклектизма, период соединения старого стиля монументального средневекового историзма, продолжавшего еще отчасти сказываться в летописании, со стилем эмоционально экспрессивным.

Перед нами рост интереса к жизни государственных деятелей, но рост не столько качественный, сколько количественный, соединенный, впрочем, с изменениями в жанрах исторической прозы, с развитием повествовательного начала.

Развитие повествовательности, которое может быть отмечено в летописи¹, в письменности вообще и даже в живописи², привело к тому, что в литературу, как и в живопись, постепенно начинает проникать вымысел, пока еще очень неоткровенный, клонящийся главным образом к приукрашиванию героев.

Это стремление к вымыслу, хотя и осторожное, было всё же замечено Стоглавый собор 1551 г. судил нововведения в иконописи - употребление символов и аллегорий, - возвращая иконопись к ее старому историческому направлению. Стоглавый собор запрещал "самосмышление" иконописцев - вымысел, фантазию. Собор предписывал, чтобы икона была изображением "по подобию", т. е. чтобы в ней были внешние черты сходства, но одновременно требовал, чтобы изображение было "по существу".

Последнее требование было направлено на то, чтобы в нем не было несущественных, случайных и "временных" деталей³.

Начинатель многих литературных предприятий XVI в. митрополит Макарий сам "бе иконному писанию навычен". Вот почему то обстоятельство, что отвергнутое Стоглавым собором 1551 г. "самосмышление" было принято затем собором 1553 г., во главе которого стоял Макарий, приобретает особое значение для литературы.

Спор не закончился. Единомышленники Висковатого, выступавшего на соборе 1553 г. против новшеств в иконописи, продолжали обвинять Макария, что он допустил "самосмышление" в создании икон и лишил иконопись ее прежней "историчности".

В конечном счете, вымысел был допущен в иконопись, но вымысел в весьма ограниченной форме - в форме аллегорических и символических сюжетов.

"Самосмышление" сказалось и в литературе. В повествование вводятся вымышленные речи героев, действие домысливается с точки зрения общих норм христианской морали и феодального поведения⁴. Домысливается назидательное истолкование событий. И т. д. Повествовательное начало развивается в сильнейшей степени.

Наиболее отчетливо биографизм XVI в. сказался в Степенной книге, Она представляет собой пышную портретную галерею деятелей русской истории, но портреты эти вполне условны: они официальные и церемониальны, утомительно однообразны своим обилием, несложными приемами идеализации.

Автор Степенной книги открыто говорит вначале о своих задачах идеализации русских исторических лиц. Степени его книги, как утверждает автор, золотые, они составляют лестницу, ведущую на небо. Утверждаются же эти степени "многообразными подвигами" в благочестии просиявших скипетродержателей⁵. Книга состоит из "дивных сказаний", "чюдных повестей"⁶. Она рассказывает "о свято поживших боговенчаных" царях и великих князьях, "иже в Рустей земли богоугодно владальствовавших", и об их митрополитах⁷. За "житием и похвалой" следует просто "похвала", "похвала вкратце", "молитва" за усопшего и усопшему (в зависимости от того, канонизирован он или нет) и "паки похвала". Названия отдельных "повестей" и "сказаний" ясно раскрывают их идеализирующий характер: "О благоденствии и о прехвальном благонравии великого князя Дмитрия Ивановича"⁸, "О благородном и царскоименитом великом князе Василии. Димитриевиче"⁹ и т. д.

Идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но вся Русская земля, весь ход ее истории, весь род государей в целом, ее державные города - Киев, Новгород, Псков, Владимир, Тверь, Москва. Идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается: излишних деталей, разбивается на законченные в повествовательном отношении сюжеты, обставляется нравочениями, как бы вскрывающими их. внутренний, назидательный смысл, и сопровождается восклицаниями автора, составляющего в своем единственном лице как бы своеобразный античный хор: "Оле непостижимым судьбам твоим, Христе боже нашь,

и слава несказанней твоей благодати!"¹⁰; "О беззаконии! Чьто приобретаете, таково бесчеловечное сотворше господубийство?"¹¹

Но восклицания и восторги, сколь многочисленны они ни были бы, - официальные, холодны и не внушают прежнего доверия. В них нет уже том экспрессии, которая отличала творения Епифания Премудрого или которач была заложена в Русском Хронографе. Этот восторг - только пышный и официальный этикет, разочаровывающий своим однообразием. "Сий Владимир - добляя благочестия ветвь!" - восклицает автор Степенной книги о Владимире I Святославиче и затем семь раз холодно повторяет свое восклицание: "Сий Владимир - апостольский ревнитель! Сий Владимир - церковное утверждение! Сий Владимир - идольский разрушитель! Сий Владимир - благоверия проповедник! Сий Владимир - царская похвала! Вся того правоверная исправления - дивна! Того вся благочестивая проповедания - красна!"¹². Автор Степенной книги рассчитывал здесь на дисциплинированного читателя, готового всерьез согласиться с этими церемониальными излишествами.

Изложение Степенной книги густо насыщено различного рода эпитетами и краткими характеристиками. В них отмечаются внутренние побуждения, внутренние качества действующих лиц, но "психологизм" здесь только этикетный - не более. Княгиня Ольга названа "святой", "блаженной", "равноапостольной" и "в премудрости пресловущей"¹³. Она "вдовствена и цело-мудреца, премудрости и разума исполнена, и всюду кипяща духовным благовонием"¹⁴. Она "дивная в девицах", имеет "целомудренный нрав", "износит хитростные глаголы"¹⁵. Специальная статья носит заглавие "О добродетелях блаженные Ольги"¹⁶. Ей посвящены две обширнейшие похвалы. Всё это демонстрирует трудолюбивые попытки автора создать внушительный образ Ольги, дать ей характеристику, обессмертить ее "памяти достойный" образ. Однако количество здесь явно преобладает над качеством.

Этикет подчиняет себе все попытки описать внутренние переживания. Действующие лица ведут себя так, как им полагается в том или ином случае "Самосмышление" повествователя никогда не выходит за границы дозволенного и рекомендованного тому высокопоставленному лицу, о котором он рассказывает. Во многих случаях автор от себя добавляет не только упоминания тех чувств, с которыми был совершен его героем тот или иной поступок, но и измышляет самые поступки, если они требовались, понятиями XVI в. о приличии. Сарацины крестятся, и Владимир Святой их "обильным дарованием удоволи"¹⁷, - совсем так, как это делали русские государи с татарами в XVI в. Философ возвращается от сарацин, и Владимир, митрополит, епископы и все люди философа "хвалами ублажаху и многу честь воздаяху ему"¹⁸. По смерти митрополита Владимир скорбит, его утешают, и он "едва ув'ещаваем бываше"¹⁹. С удивительной находчивостью автор Степенной книги подыскивает своим героям приличествующие им чувства даже в положениях, весьма для них затруднительных. Когда князя Всеволода Псковского новгородцы насильственно изгоняют из Новгорода, сопровождая свое изгнание серьезнейшими обвинениями, Всеволод не спешит, он проявляет полную кротость, произносит длинные нравоучения, обращая их к взбунтовавшимся новгородцам, и сравнивает себя в этих нравоучениях с самим Христом²⁰.

Коллективные выражения чувств народом также преисполнены той же этикетной выдержанности (кроме, конечно, тех случаев, когда народ восстает). В случае победы люди воздают "велие хваление победителю богу и пречистой богородице"²¹. Когда князь посылает епископов по городам,—"и радовахуся людие, и сияше в них православие"²². Когда князь умирает,— люди его скорбят; от вопля их не бывает слышно церковного пения и "аще кто тогда и каменосердечен, и той слезы изливаше", многие же "бъяхуся о землю и инии о мост градцкии"²³.

Даже бездушная природа подчиняется автором Степенной книги государственному параду. Крещение печенежского князя при Владимире I Святославиче сопровождается "умножением всяких плодов" и тишиной²⁴. Когда хоронили в Чернигове митрополита Константина, то всюду по Руси "солнце помрачися и буря тако зело велика бысть, яко и земли трястися", однако в самом Чернигове "во всех тех триех дньех солнцю светло сияющу. Егда же бысть погребено священное тело митрополита Константина, и тогда бысть тишина повсюду"²⁵.

Здесь резкое различие с тем "панпсихологизмом", который мы видели в Русском Хронографе. "Психологизм" автора Степенной книги убеждает так же мало, как улыбка на устах придворного. Перед нами как бы применение к изложению истории всех тех церемониальных руководств, которые с таким усердием составлялись в XVI в. ("чин венчания", "разрядные книги" и др.).

Все действующие лица Степенной книги строго разделены на положительных и отрицательных. Они никогда не смешиваются, и для того, чтобы это смешение вообще не было возможно, они в изобилии снабжаются оценочными эпитетами. Положительные: "царскоименитый самодержец"²⁶, "богомудренная Ольга"²⁷, "благородный" великий князь²⁸. Отрицательные: "безстудный" царь Мамай²⁹, "зверонравный царь Темир Аксак"³⁰, "пронырливый" и "безбожный" Тахтамыш³¹, "поганый и лукавый" Едигей³², "злоумная" Марфа Посадница³³. Эпитетами снабжаются и города ("богоспасаемый град Псков"³⁴ "преименитый град Владимир")³⁵, и учреждения ("богожеланный собор", "благосоветное собрание"³⁶, "богомуд-ренный совет", "единомысленное во многих человецех благое совещание", "божественное ополчение")³⁷. После скупой на эпитеты летописи это цветение эпитетов в Степенной книге должно было производить особенно сильное впечатление.

"Самосмышление" сказывается особенно ярко в составлении длинных речей, молитв, нравоучений и т. д. Речи, вкладываемые в уста действующих лиц, помогают вводить психологические мотивировки поступков и лишней раз преподать читателю нравоучение. Как правило, эти вымышленные речи лишены каких бы то ни было индивидуальных примет: по существу за действующих лиц говорит сам автор, толкуя их устами события или выражая приличествующие случаю весьма мало индивидуализированные чувства. Речи эти настолько велики, что во многих случаях они выделяются в тексте особыми заголовками: "Благословение и поучение патриархово к блаженной Ольге"³⁸, "Благоответно мудрование блаженныя Ольги, им же посрами Цимисхия царя"³⁹, "Беседование к сыну блаженныя Ольги"⁴⁰, "Благоречие Владимирово"⁴¹, "Посланней сказаща, яже видеша"⁴², "Ответ царей"⁴³, "Владимеровы глаголы"⁴⁴, "Увещание царевне"⁴⁵ и даже "Рыдание дияволе"⁴⁶.

Автор не стесняется приводить речи своих героев даже в тех случаях, когда из хода действия ясно, что они заведомо не могли стать известными кому бы то ни было: уединенные молитвы, предсмертные слова одиноко умирающего князя и т. д. Убиваемый Андрей Боголюбский творит пространную молитву, которую никто не мог слышать, кроме его убийц, если бы они только имели терпение ее дослушать. Тем не менее молитва Андрея приводится полностью⁴⁷.

Степенная книга - это только наиболее характерное для идеализирующего биографизма XVI в. произведение, проникнутое своеобразным маньеризмом. Аналогичные приемы могут быть прослежены во всем историческом повествовании XVI в. В летописи эти приемы наглядно доказываются на примерах обработки летописцем XVI в. текста предшествующих летописей⁴⁸.

Перед нами пышный закат средневековых принципов идеализации человека, нормативного идеала, торжественное обличие которого скрывало за собой скучное официальное содержание.

Изобразительное искусство XVI в., как и литература, следует тому же стремлению к идеализирующему биографизму, своеобразному "количественному" увеличению интереса к человеку как к составной части единого феодального государства. Повествовательное начало резко усиливается, композиции икон и росписей усложняются возрастает многофигурность. иллюстративность изображений, их отвлеченная дидактика. Сложение много фигурных композиций характерно и для настенных росписей, и для икон середины XVI в. Погибшие фрески Золотой палаты Московского Кремля (1547-1552), судя по сохранившемуся их описанию, составленному в XVII в. Симоном Ушаковым и подьячим Клементьевым, были своеобразной параллелью к орнаментальной прозе Степенной книги. Содержание этих росписей было посвящено истории России, данной в нравоучительном аспекте, изображениям добродетелей и пороков, дидактических сцен на литературные сюжеты и т. д.

Н.Е. Мнева пишет: "Изобразительный язык художников XVI века весьма многословен. Повествуя, они ставят себе задачей как можно подробнее и полнее разъяснить свою тему. Иллюстрируя житие святого, притчу или иной сюжет, они буквально воспроизводят каждое слово текста, овеществляя даже отвлеченные догматические понятия и символы. Стремясь показать последовательность действий, художники в одной сцене изображают целый ряд эпизодов одного и того же действия или события, и в каждом из этих эпизодов фигурируют одни и те же лица в различных позах. Отсюда перегруженность композиций второстепенными деталями и трудность их восприятия без соответствующих надписей. Большое распространение получили аллегории, отвечавшие богословско-схоластическому мышлению и широко используемые художественной фантазией"⁴⁹.

---

¹ Д. Лихачев. Русские летописи. М. - Л., 1947, стр. 354 и сл.

² История русского искусства. Под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова и В.Н. Лаварева, т. III, М., 1955, стр. 543, 572. Раздел написан Н.Е. Мневой.

³ Стоглав. Изд. 2-е, Казань, 1887, стр. 79, 81, 97.

⁴ О внесении вымысла и повествовательного начала в летописание подробнее см.: Д. Лихачев. Русские летописи, стр. 351-354.

⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 5.

- ⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 5.
- ⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 41.
- ⁸ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 401.
- ⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 412.
- ¹⁰ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 65.
- ¹¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 242.
- ¹² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 60.
- ¹³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 6.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 6.
- ¹⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 8.
- ¹⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 22.
- ¹⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 112.
- ¹⁸ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 112.
- ¹⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 113.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 197.
- ²¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 117.
- ²² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 114.
- ²³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908е, стр. 199.
- ²⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 113.
- ²⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 244.
- ²⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 60.
- ²⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 13.
- ²⁸ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 412.
- ²⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 396.
- ³⁰ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 438.
- ³¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 399.
- ³² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 449.
- ³³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 534.
- ³⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 198.
- ³⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 239.
- ³⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 88.
- ³⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 89.
- ³⁸ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 14.
- ³⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 15-16.
- ⁴⁰ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 20.
- ⁴¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 89.
- ⁴² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 91.
- ⁴³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 93.
- ⁴⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 93.
- ⁴⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 94.
- ⁴⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 107.
- ⁴⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908, стр. 241-242.
- ⁴⁸ Д.С. Лихачев. Русские летописи, стр. 331- 374.
- ⁴⁹ Н.Е. Мневa. Московская живопись XVI века. В кн.: История русского искусства, т. III. Под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова и В.Н. Лазарева, стр. 543.